

Несостоявшаяся прогулка

У **Аміеля** въ дневнике есть **такія** строки:

«Когда не мечтаешь уже о томъ, что **имѣешь** передъ собой свободные десятки летъ, годы, месяцы, когда считаешь уже часами, и будущая ночь несетъ въ себе уже угрозу неизведаннаго, тогда отказываешься отъ искусства, науки, политики и довольствуешься беседой съ самимъ собой, и это возможно до самаго конца. Внутренняя беседа — единственное, что остается приговоренному къ смерти, казнь котораго откладывается. Онъ — этотъ приговоренный къ смерти — сосредотачивается въ **самомъ себѣ**. Онъ беседуетъ со своей душой. Онъ уже не **действуетъ**, а **созерцаетъ**... Какъ **заяцъ** онъ возвращается умирать къ своему жилищу, и жилище это — его совесть, его мысль».

Это написано человекомъ накануне смерти: **ощущеніе** необходимости «ликвидашіи» и всего, что съ ней связано, обострено до крайности. Къ людямъ здоровымъ и не очень старымъ **аміелевская** запись какъ будто не относится, — да авторъ это и самъ всячески **подчеркиваетъ**. Нельзя же въ самомъ **дѣлѣ** жить, ежедневно и ежеминутно подводя **итоги**, безъ работы впрокъ, рассчитанной на общую, далекую пользу. Если жизнь только промежуточная станція — изъ мрака въ мракъ — не стоило и останавливаться.

Конечно, Но у **Аміеля** въ лихорадочной, предсмертно-тревожной форме выражено чувство, которое выходитъ за пределы его дневника и распространяется дальше, **чѣмъ** онъ, можетъ быть, **предполагалъ**: не **вліяніе**, — а встреча независимыхъ, по разному развившихся **побѣговъ** одного и того же опыта. Какъ всегда бываетъ, то, что глубоко, безстрашно и съ какой-то кровной заинтересованностью продумано для себя, въ самомъ «**личномъ** порядке», то находитъ ответы и отзвуки повсюду (**и** наоборотъ, **широкія**, популярныя мысли, намеренно обращенныя къ «массамъ», вянуть на корню, нигде не укрепившись, никуда не дойдя). Въ сущности, можно делить людей по этому «ликвидационному» признаку: откажется ли когда-нибудь, — или не откажется до конца, упорствуя до **послѣднихъ** дней въ

привычной **работѣ**, не выбрасывая балласта? Печать будущих отказовъ лежитъ съ детства, она определяетъ звукъ каждого слова, оттенокъ каждой мысли, — и ошибки тутъ быть не могутъ (например, Лермонтовъ отказывается, Пушкинъ едва ли). Хотя вообще то **русская** литература отказывается въ **цѣломъ** вся, не **умѣя** при иныхъ **настроенияхъ-избѣгнуть** пошлости, какъ избегаетъ ее Европа, более **героически-дѣловитая**, трезвая, «анти-цыганская» по чѣму-то меткому **выраженію**. Пушкинъ **исключеніе** и.урокъ мужества). Можно перенести **дѣленіе** на группы, **классы, эпохи**: это упрощаетъ **рѣшеніе нѣкоторыхъ** загадокъ. Строго говоря, ничего новаго въ **аміелевскомъ** наблюденіи нетъ, и назвать его «ключемъ» ко всякаго рода **вопросамъ** нетъ **основаній**. Скорей — **иллюстрація**, скорей — **комментарій**. Но проверить на **безспорно-искреннемъ** и правдивомъ признаніи то, что казалось **вѣроятнымъ**, и найти въ немъ **подтвержденіе** мысли — важнее иногда, чѣмъ сделать **открытіе**.

Я собрался писать нечто вроде «прогулки по садамъ **россійской** словесности». Отъ **отдѣльныхъ** именъ и **явленій** предварительный **переходъ** къ обшимъ темамъ почти неизбеженъ. Ищешь плана прогулки, составляешь путеводитель. Два слова: «советское» и «эмигрантское» сталкиваются сами собой. Страница изъ дневника **Аміеля** мне вспомнилась при этомъ **столкновеніи** не случайно. **Давнія**, долія **впечатлѣнія** и догадки побуждаютъ меня **где-то** тутъ, въ близкихъ къ ней **областяхъ**, въ доводахъ этого порядка, искать единственно-плодотворнаго **исходнаго** пункта для **обозрѣнія** нашей литературы.

Что произошло съ нами? Что намъ не по душе въ **нихъ**? Не то, чтобы мы преждевременно решили прощаться съ жизнью и собрались въ **потустороннія странствованія**, — совсемъ нетъ. Но мы дошли въ ощущеніи личности до такой **требовательности**, до такой нетерпеливости въ **ожиданіи** ея **завершенія**, что уничтожили возможность работы «впрокъ».

Это одинъ изъ **непредвидѣнныхъ** результатовъ индивидуализма, **послѣдній** и можетъ быть самый **горькій** плодъ его. Личность вошла съ судьбой въ сепаратное **соглашеніе** и договаривается съ ней на свой обособленный рискъ, — потому что договоръ **общій** ее не можетъ уже удовлетворит: она потеряла **сознаніе** своего въ немъ **участія**. Рано или поздно личность «нашего», индивидуалистическаго толка **ищетъ** свободы въ разрыве связей со средой, и даже продолжая заниматься политикой или

искусствомъ, делаетъ это уже рассеянно, съ **желаніемъ забыть-** ся или съ вялымъ безразличіемъ привычки, безъ подлинной страсти: ей уже чуть-чуть «все равно», и **чѣмъ** настойчивее она уходитъ въ **дѣло** и деятельность, **тѣмъ** острее терзаетъ ее где-то глубоко-таящееся, неустрашимое **ощущеніе** общей **без-** смыслицы, **«мировой чепухи»**. **«Міровая чепуха»** — формула Блока. Толстой сказалъ еще лучше: «после глупой жизни **на-** **станеть** глупая смерть». Ибо все **вѣдь** кончится лопухомъ. А если кто и склоненъ это отрицать, тому **тѣмъ.болѣе** нужно какъ можно скорей обезпечить себе **свершеніе** надеждъ и вообще достучаться «туда», оставивъ **здѣшніе псевдо-значительные** пустяки. Не опоздать бы! Игра ведется каждымъ порознь, надо свою партію и выиграть. Никто другъ другу не помогаетъ, — и даже понятые церкви, въ основе спасительное, покрывающее, объединяющее, превращается какъ бы въ пучекъ **соломинокъ**: каждому утопающему — своя.

Не будемъ торопиться ни съ **осужденіемъ**, ни съ **оправдані-** емъ: сначала надо взглядеться и **понять**. Оговорюсь, что употребляя **выраженіе** «мы», я **имѣю** въ виду не собственно насъ, **эми-** **грантовъ**, не нашихъ эмигрантскихъ писателей, а все то, что мы собой представляемъ, или хотя бы хотимъ представлять, все, что мы защищаемъ, бережемъ, любимъ, продолжаемъ. **Поэтомъ**, въ этотъ условный терминъ надо включить и Европу, въ важ- **нейшей** ея части. «Мы» — это **жизнеощущеніе**, это представле- **ніе** о Мире, противоположное тому, ихнему, намъ чуждому (и въ «ихнее», конечно, приходится включить **нѣкоторыя новѣйшія** **ев-** **ропейскія настроенія**). **Столкновеніе** «советскаго» и «эмигрант- **скаго»** есть по существу встреча двухъ волей, двухъ энерпій, **ко-** **торымъ** только политическая распря придала наглядность, и кстаті сказать, упрощающую и схематизирующую. Прежде не **было** открытой войны. Но **раздѣленіе** возникло не теперь.

Въ литературе и въ искусстве мы готовы все имъ простить, — кроме одного.. Кроме потери музыки.

Нельзя отрицать, что ихъ творчество имеетъ уже и **сейчасъ** достоинства, а съ годами будетъ, вероятно, совершенствоваться, расширяться и углубляться. Ирошія и **высокомѣріе**, съ кото- **рыми** у насъ произносится слово «достиженія», не всегда осно- **вательны**. Но намъ эти достиженія скучны. Действительно, **это** «скучныя песни земли», во всей ихъ безысходной и удовлетво- **ренной ограниченности**, порой удачныя, порой смелыя, но **де-** **ревянно-короткія** по звуку, безъ ответа и полета. Прочтешь — хорошо, умно, «интересно», но не надъ **чѣмъ** задуматься, въ особенности после того, надъ **чѣмъ** **пріучили** насъ задумывать-

ся. Типы? Типы налицо, отчетливо и **мѣтко** обрисованные. Проблемы? Проблемы — тоже. Завязка и **развязка**, композица, **образность** — все, что полагается. Никакъ нельзя сказать: **чепуха**. Но втайне, про себя, **наперекоръ всякимъ** разумнымъ **доводамъ**, знаешь, что чепуха — потому, что не въ типахъ же дело... Кто **понимаетъ** — пойметъ сразу, съ полуслова. Кто **принимаетъ**, какъ свое, слово **«мы»** — согласится. Намъ невозможно къ тому, ихнему **представленію** о литературе **вернуться**, потому что тогда для насъ все теряетъ смыслъ, прелесть, вкусъ. **Просто**, игра не стоитъ **свѣчь**, — и лучше поступить **счетоводомъ** въ банкирскую контору. Что же, если **поэзія** въ истинномъ смысле слова потерпела **крушеніе**, да здравствуетъ проза жизни... но тогда мы **оставляемъ** литературу, «возвращаемъ **билетъ**», за ненадобностью. Если кому по **душе** **сочиненіе** романовъ съ типами, пусть **сочиняетъ**. Занятъе солидное, почтенное, носомненно полезное. Но намъ это занятъе не по **душѣ**.

Примиренія тутъ быть не можетъ. Оно **физиологически** неосуществимо, да и не только **примиреніе**, а и даже **спокойное** благожелательное **сосѣдство**, безъ взаимнаго **отталкиванія**. Напрасно только мы хранимъ смутныя надежды на то, что ихъ **глухота** и **цельность** — **явленія временныя**, и что съ **повышеніемъ** «культурнаго уровня» **различіе** неизбежно начнетъ само собой стираться. Если бы **развитіе** культуры **шло** всегда по прямой линіи, безъ **отвѣтвленій**, **отступленій** и тупиковъ — это, пожалуй, и было бы такъ. Не непрерывнаго **движенія** впередъ нетъ.

Они едва ли изменили музыке. Они просто не дослушались, не дочувствовались: измены не было.

Признаемся, что апелляція къ «великому прошлому» для **подтвержденія** нашей правоты въ теперешнемъ жестокомъ спорѣ — **дѣло** рискованное. Прошлое, въ «великой» своей части по крайней **мѣрѣ**, кое въ чемъ за насъ, а кое въ чемъ и противъ. Прошлое во всякомъ **случаѣ** (и надо думать — **будущее**) **решительно** и **настойчиво** — за начало общности, за «вместе», за «неразрывно», — музыка же по удивительному слову Ницше есть «дочь одиночества». Конечно, **исключенія** бывали и прежде, — но правило то вошло въ силу не такъ давно и восходить, кажется, къ трещине, къ трещинке, образовавшейся еще въ первой половине прошлаго **вѣка** и не сразу оцененной, какъ роковой симптомъ. Впрочемъ, Гюго съ этой точки **зрѣнія** верно оценилъ Бодлера, хотя и не почувствовалъ въ немъ **скрытаго**

смертельного врага. И когда Жоржъ Зандъ сказала Шопену: «ваше искусство слишкомъ тревожно, я васъ боюсь, я запретила бы своему сыну слушать васъ» — она тоже поняла что-то очень **вѣрно**.

Музыка — въ **расширенномъ**, ницшевскомъ **смыслѣ** слова, конечно, — возникаетъ въ моментъ **осознанія** одиночества, **хотелось** бы сказать: какъ награда за него. Но точнее: какъ **утѣшеніе**. Когда человекъ вдругъ понимаетъ, что онъ въ **миръ** совсемъ одинъ, что ему только на себя остается **разсчитывать**, что есть для него только личное дело, но нетъ **дѣла общаго**, что съ судьбой ему надо наспехъ налаживать соглашеніе, что ему не за кого и не за что спрятаться, когда человекъ понимаетъ и чувствуетъ это — и если притомъ онъ художникъ — его творческая **біографія** определена. Возможны **варианты**. Но тонъ, тема и строй даны. Начинаются поиски и **блужданія, которыя** вполне благополучно кончиться не могутъ, но где все съ **каждымъ** шагомъ становится обольстительнее, сложнее, «напевнее», призывнее, а **миражъ спасенія** — правдоподобнее. Поистине — *des roses sur le neant*. Человекъ задаетъ личные, **важнѣйшіе** для себя вопросы, но **миръ** на нихъ не **разсчитанъ** — и ответовъ **нѣтъ**. Это однако открывается лишь къ самому концу **блужданій**, у края пропасти, на «краю ночи», а до того земля и небо расцветаютъ такими красками, звенятъ такими звуками, **какіе** и не снились раньше. Кажется: настало **освобожденіе**, тюрьма распалась — и отъ восторга кружится голова. Перечень **неудачъ** составляется позже, — когда уже больше нечемъ и заняться,

Понятіе Бога: оно раскалываетъ въ щепы, **разбиваетъ** вдребезги душу, если человекъ сталкивается съ нимъ одинъ на одинъ, — но по самому глубокому своему **содержанію** оно **вѣдь** и не можетъ быть познано и понято въ уединенныхъ, своевольныхъ встречахъ, и во всякомъ случае оно возстандвливаетъ въ **сознаніи** образъ единого Мира, излечиваетъ, **образумливаетъ** его, если еще не поздно. Но часто бываетъ поздно, и тогда брызги, осколки, искры разлетаются во все стороны — ослепительная **феерія** искусства, ни на одинъ мигъ не способная отсрочить финальную тьму. Понять Бога — приходитъ въ голову прежде всехъ другихъ. Подумайте, какими тысячами обертоновъ въ мысляхъ и чувствахъ, въ самомъ ощущеніи **бытія** обогащается человекъ при полномъ включеніи этого **понятія** въ личный жизненный планъ — и какъ беденъ по **сравненію** съ нимъ тотъ, у кого планъ ограниченъ и плоскъ. Но первый **че** всегда мудръ: иногда онъ и просто заносчивъ, а второй не **все-**

гда ничтоженъ: иногда онъ и праведно-проницателенъ, такъ какъ на полноту не претендовалъ и решать всего не брался. Или — смерть. Примириться съ ней, **«принять»** ее индивидуалистическое **сознаніе** не можетъ, какъ не можетъ ее и отвергнуть, — и въ ответъ ей ищетъ какихъ-то **заклинаній**, въ **которыя** само не верить, но которыми упивается съ плохо скрытымъ **сладострастіемъ**, будто надеясь все-таки уйти изъ западни. Именно передъ лицомъ смерти человекъ **спѣлъ** самыя свои «музыкальныя», **неотразимыя**, чудныя песни, съ **тѣмъ** чувствомъ потустороннихъ далей, **безконечныхъ разстояній** и сроковъ, съ вызовомъ и **утвержденіемъ**, которыми онъ себя убаюкивалъ, — но песни эти никого не спасли. Въ сущности, весь романтизмъ есть **ответъ** на смерть. Но романтизмъ лишь увеличиваетъ, **растравляетъ** рану — и **оставляетъ** людей ни съ чемъ. Въ этомъ **смыслѣ**, одна изъ **ужаснѣйшихъ** и **порочнѣйшихъ** въ нашей литературе вещей — тургеневская «Клара Миличъ». Что она обещаетъ? Неизвѣстно. Но обманываетъ наверно. Вообще, **смерть—мѣрило**, «оселокъ»: ее никакъ нельзя исключить изъ личной судьбы отдельна™ живого существа — и если мы бѣемся тутъ, будто головой объ стену, значить что-то неладно въ насъ. Никакими софизмами этого не опровергнуть, и **всякій**, кто ищетъ, какъ проверки, **согласованія** своего опыта съ опытомъ природы это знаетъ... Возвращаясь къ **литературѣ**, я ничуть не настаиваю на томъ, что во всемъ написанномъ «нами» есть следъ непосредственныхъ встречъ съ Богомъ, смертью и другими великими **мировыми представленіями**. Подлинныя встречи редки и трагичны: оне наперечеть. Но **зараженъ** воздухъ, отзвукъ чужихъ, огромныхъ катастрофъ докатился до всехъ, и мелкая разменная монета этого рода — въ кармане cadaго здешняго романиста или поэта. Похоже на то, будто **какіе-то** отважные и **геніальныя** аэронавты оторвались отъ земли, и, **постранствовавъ** «въ **мірахъ** иныхъ», вернулись сюда, — правда только для того, чтобы умереть истерзанные, измученные, «въ разливе синеющихъ крыль», какъ **разбившійся** о **кавказскія** скалы **блоко-врубелевскій** демонъ... Но передъ смертью они успели кое-что разсказать. А людямъ становилось уже скучно и страшно, разсказы пришлось по сердцу, возникли безчисленныя ихъ переложен!*.
Ничего другого слушать больше никто не **хотѣлъ**.

Ничего другого.. Но жизнь — ведь и другое.

Произошла, кажется, размолвка съ жизнью и когда мы, съ узкихъ и пустынныхъ «нашихъ» вершинъ, пренебрежительно

Глядимъ на типы и проблемы, мы презираемъ и отталкиваемъ именно жизнь. Въ жизни больше суеты (или работы), въ ней меньше музыки, чѣмъ намъ, можетъ быть, хотѣлось бы, — и если музыка есть «дочь одиночества», то вероятно есть у нея и другія, болѣе компрометирующія родственныя связи. «Какъ заяцъ возвращается онъ къ своему жилищу...» Да, — не потому, чтобы человекъ собирался умирать, ко потому, что онъ ко всему остальному потерялъ охоту. Повторяю, ему нужно на протяженіи личнаго существованія полностью закончить игру: онъ торопится, «нервничаетъ», оставляетъ въ руке только козыри, стремясь скорей, во что бы то ни стало, добиться результата, — и самъ того не замечая, рискуетъ остаться ни съ чѣмъ. Бога и судьбу нельзя уловить, ихъ можно только отразить, — надо же, чтобы постоянно было, въ чѣмъ и где отражать. А матерьялъ истощается.

Нетъ ничего обманчивее того изобилія предметовъ, стилей, вдохновеній, энергій, порывовъ, которыми сейчасъ блещетъ въ литературе «наша» Европа, той тонкости и сложности, и въ особенности того сдержанно-грустнаго лиризма, которымъ она еще греется и грѣетъ: это не столько богатство, сколько расплывленіе, — и проникновеніе тепла повсюду. Уже Болдеръ зналъ, что именно такъ будетъ, и действительно иначе быть не могло. Сейчасъ мы въ хвосте кометы — и со всехъ сторонъ виденъ светъ, тысячи, тысячи маленькихъ лучистыхъ огней. На двухъ вершкахъ разстоянія естественно обольщаться насчетъ того, что где-то недалеко солнце — но отойдешь въ сторону, и сразу иллюзіи разсѣиваются. Количество не заменить качества, т. е. творческой и рождающей силы.

Все это разсужденія слишкомъ общія, чтобы можно было отчетливо связать ихъ съ эмиграціей. Но къ нашему делу — поскольку дело это не совпадаетъ въ границахъ съ непосредственными политическими задачами — они имѣютъ, мне кажется, близкое отношеніе. Я боюсь только, что по привычке кто-нибудь истолкуетъ ихъ, какъ «плачъ» или, еще хуже, какъ обвинительный актъ, обращенный къ эмиграціи, — къ эмиграціи, которая на недолгомъ своемъ вѣку слишкомъ много слышала всякихъ обвиненій, чтобы допустимо было рвеніе новыхъ добровольцевъ — прокуроровъ, а, во вторыхъ, — гораздо все-таки свободнее, живее, безкорыстнее, благороднее и, по старинному слову, «жертвеннее», нежели о ней принято думать. Отреченіе отъ нея — малодушіе, какими бы перестройками и лживо-патріотическими фразами ни было оно прикрыто, и менее всего я склоненъ это трусливое отступничество обелять. Но чело-

вѣкъ бесѣдуетъ самъ съ **собой**, оставаясь самимъ собой въ обоихъ лицахъ діалога. Мысль, **влекушая** — рано или поздно — **оцѣнку** и моральный выборъ, не можетъ избежать этихъ переходовъ съ одной точки **зрѣнія** на другую.

Короткій литературный примѣръ — въ **поясненіе**: Борисъ Пастернакъ и наше **отношеніе** къ нему. Это безспорно талантливый писатель, очень талантливый, — однако, пожалуй, **не** такой, какъ можно было бы предположить по ореолу, создавшемуся вокругъ его имени. Едва ли такой значительный: скорей нечто вроде Андрея Белаго **по обостреннѣйшей** впечатлительности и отзывчивости — и по **бессилію** найти тему. Но **ореоль сіяетъ** — кто же этого не чувствуетъ? — и конечно въ **толпѣ** советскихъ писателей Пастернакъ **единственно-обаятеленъ**. Отчего? Оттого, что онъ среди нихъ единственный человекъ, **ч** кого есть слухъ къ вещамъ, составляющимъ внутреннюю **сущность индивидуализма**, — и не только слухъ, но и даръ **отраженія**. Пастернакъ музыкаленъ, какъ **явленіе**, — съ трагическими отблесками на лице, убеждающими въ его подлинности. За это одно мы все прощаемъ ему, и если бы нужны были еще доказательства, что **географія** и **паспортныя отличія** не сходятся съ **опредѣленіемъ понятій** «мы» и «они», то и въ этомъ **случаѣ** можно было бы сослаться на Пастернака: тамъ его тоже любятъ, «обожаютъ», выделяютъ — наперекоръ всему, казалось бы. На фоне всякихъ пользъ, расчетовъ и деловыхъ литературныхъ хлопотъ онъ одинъ сохранилъ образъ иного, безнадежно-прекраснаго, **вторично-прометеевскаго** творчества. Какъ падающая звезда: нельзя имъ не залюбоваться.

О словесности действительно советской трудно говорить всерьезъ иначе, какъ въ сослагательномъ **наклоненіи**. Нужна приставка «бы». Не есть, а была бы, могла бы стать.

Если даже отрешиться отъ того **поверхностно-невѣжественнаго** къ ней **отношенія**, которое у насъ, къ **сожалѣнію**, еще держится, если преодолеть **ощущеніе чужеродности**, которое возникаетъ независимо отъ новизны быта — все-таки она **испытанія** не выдерживаетъ. «Не **то**». До **чтенія** смутно предчувствуешь провалъ, после — убеждаешься въ правильности догадки, — какъ и вообще, думая о Россіи, о той страшной, неясной, **полурелигіозной** «авантюре», въ которую она пустилась, и видя результаты, повторяешь: не то. **Заданіе** было больше, глубже, **исполненіе** же тронуто душкомъ той роковой, рабской русской

бездарности, которую мы, **руссКіе**, привыкли съ ужасомъ узнавать во всемъ, что «Русью пахнетъ», наряду съ подлинной ширью и вольностью — безъ взаимнаго **исключенія** (впервые и **острѣе** всехъ это **смѣшеніе** почувствовали **Пушкинъ**; не **чув-**ствуютъ же его **совершенно**, — иностранцы, ни въ чемъ, ни одинъ изъ нихъ). Въ раннихъ советскихъ книгахъ, при всей литературной ихъ серости, было больше **пониманія**, **чѣмъ** въ гладкихъ, грамотныхъ теперешнихъ, — но цветы давно облетели, огни давно догорели.

Поэтому — необходимо сослагательное **наклоненіе**, **тѣмъ** более, что должно же оно въ ответъ одиночеству когда-нибудь явиться, это творчество безъ «бы»! Въ очищенномъ, просветленномъ, въ идеальномъ виде то, что пишется тамъ есть **продолженіе** и выводъ изъ всего того, что произошло здесь, ...только это продолженіе и выводъ искажены. А такъ какъ **то значенію** своему законченная, печальная и сложная здешняя повесть, — «патетическая **симфонія**», безъ нотъ разыгранная оркестромъ, — совершенно несоизмерима съ бедными, грубыми звуками рожковъ, несущимися оттуда, то естественно все «тамошнее» представляешь себе, какъ **тѣнь** отъ «здешняго», какъ то, что должно заполнить **молчаніе** и пустоту, — представляешь, правда, не всегда въ ладу съ реальными данными. **Въ** идеальномъ виде остается: слово «товарищъ» — когда то взятое подъ защиту Александромъ Блокомъ, человекомъ близко знавшимъ, что такое уединенныя экскурсіи души и какова расплата за нихъ. Остается: слово «массы» — дурное само по себе, слово, отъ котораго уже веетъ **сплетеніемъ** механическимъ, сухимъ, волчьимъ, уничтожающимъ смыслъ и природу подлинно-общественной жизни. Остается: отказъ отъ многоаго, что мы любили, — и что, въ сущности, все равно теряемъ. Отказъ **отъ** избытка музыки, отъ «пронзительно-унылыхъ» стиховъ, отъ горькой прелести **мира**... Но только не отказъ отъ любви, — какъ творческой **энергии**, какъ объединительной, спаивающей, связывающей «ячейки»: тутъ уступчивость невозможна и безумна, тутъ она превращается въ предательство! Этотъ одинъ вопросъ и обращенъ къ нимъ: предаете вы человека, обманываете его, готовы ему «лестъ горше первой» — или ищите **действительно освобожденія**? Кто-нибудь же долженъ рано или поздно найти его.

Георгій Адамовичъ.